

10. Schiffrin D. *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

11. Underhill R. Like, is like, focus // *American Speech: A Quarterly of Linguistics Usage*. 1988. V. 63.

Discourse markers as cognitive means of introduction of the new information

There are resumed the research results regarding the cognitive potential of discourse markers from the position of actualization and providing the correct interpretation of expressions that introduce new cognitive conceptions in the context of discursive correlation. The verification of the research results is carried out based on the authentic English language material with the use of the author's method of automated text processing.

Key words: discourse, discourse markers, cognitive potential, cognitive operators, statistic analysis, automated analysis.

(Статья поступила в редакцию 18.12.2013)

М.В. ПАРШИНА
(Астрахань)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОЦЕНКИ В АНЕКДОТЕ

Описывается репрезентация слов с оценочным компонентом на материале анекдотов, опубликованных в региональной прессе XIX–XX вв. Особое внимание уделяется дискуссионной проблеме взаимодействия оценочного и эмотивного компонентов в пределах одной номинации.

Ключевые слова: языковая категория, оценка, эмотивность, анекдот, языковые средства.

Процесс оценивания сопровождается многие явления в жизни человека, и поскольку оно определяет особенности взаимодействия человека с окружающим миром, то его итогом является ценностный фрагмент картины мира. Теоретические вопросы, связанные с природой, структурой оценки, средствами ее выражения и ее отношениями со смежны-

ми с ней явлениями эмотивности, экспрессивности, интенсивности, модальности, аффективности, образности, были рассмотрены такими учеными-лингвистами, как Е.М. Вольф (1985), Н.Д. Арутюнова (1988), В.Н. Телия (1986), Т.В. Маркелова (1996), Т.А. Трипольская (1999) и др.

Несмотря на довольно широкую изученность рассматриваемой категории, существует множество спорных или открытых вопросов. К таким можно отнести проблему определения границ оценочной семантики. В работе описана категория оценки со смежным явлением эмотивности, а также рассмотрены на материале анекдотов частные случаи репрезентации лингвистических и экстралингвистических факторов.

Информативная способность текста в процессе реализации коммуникативной функции и процесс понимания читателем концептуально структурированной информации обеспечивают «приток информации в авторскую систему смысла, существование которой в культурной и языковой среде определяется способностью концептуальных структур как ее элементов в самоорганизации» [4, с. 84]. Оценочные смыслы позволяют говорящему выразить отношение к любому жизненному факту, событию, лицу и характеризуют самого говорящего, что является «важнейшим средством выражения доминанты» речевого воздействия в сфере массовой коммуникации в целом [2, с. 192]. Таким образом, категорию оценки можно определить как языковую категорию, выражающую отношение говорящего к объекту действительности в зависимости от того, насколько удовлетворены его потребности, желания, интересы и цели [5].

Основным наполнением понятия оценки являются субъект и объект оценки, а также характер оценки. Субъект оценки – это лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка. Объект – это лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым относится оценка. Характер оценки может быть положительным или отрицательным, эмоциональным или рациональным, общеоценочным или частнооценочным. Проблема выделения самостоятельного оценочного компонента определяет трудность его описания и отграничения от других категорий. В частности, наиболее актуальным вопросом является разграничение оценки и эмоциональности или эмотивности в языке. Самоорганизация оценочного смыс-

ла «обеспечивается, с одной стороны, возникновением смысловой множественности, неоднородности, что провоцирует изменение соответствующих концептуальных структур и инициирует процесс познания и мышления. С другой стороны, происходит диссоциация актуальных связей в структуре концепта и его дальнейшее становление в области сознания» [4, с. 85].

Е.М. Вольф проводит связь оценки и эмоций в философском и историческом аспектах. Обращаясь к современности, она выделяет две группы оценочных теорий, связывающих эмоции с идеями когнитивизма. Находясь в том или ином состоянии, субъект сам создает ценностную реальность и как бы живет в ней [1, с. 227–228]. Таким образом, теории эмоций и теории оценок у многих философов смыкаются. А.В. Заморева, резюмируя исследования по этому вопросу, подчеркивает, что все это категории разного порядка: оценочность является функциональной категорией, образность – отражательной, экспрессия – стилистической, а эмоциональность – психолингвистической [3].

Однако есть точка зрения на эти два понятия как неразрывно связанные между собой, что объясняется «взаимопроникновением элементов названных категорий, обусловленных онтологически, ибо чаще всего оценки сопровождаются эмоциями, а подчеркивание смысла основывается на особом повышенном эмоциональном состоянии говорящего и для того, чтобы передать свое отношение к объекту, адресант использует различные экспрессивные средства языка» [6, с. 86]. Оценочная деятельность лежит в основе эмоциональности языковой единицы. Результат этого аналитического процесса закрепляется в семантической структуре языковой единицы в виде оценочной семы. В то же время понятие «эмоциональность» определяют как состояние, возникающее в процессе принятия решений об оценке воспринимаемых явлений действительности и их связи, «отраженное и закрепленное в семантике слова отношение, чувство говорящего к объекту речи» [7, с. 64]. Именно такое функционирование эмоционального и оценочного в пределах языкового знака или текста свойственно анекдотам.

Анекдот представляет собой некий поединок, в котором герои состязаются между собой, одурачивают друг друга, тем самым «насыщают» номинативные единицы лексики са-

мыми разнообразными оценочными семами. Например:

– *Мне не нравится это фото, – сказал посетитель фотоателье. – Тут я похож на обезьяну.*

– *Об этом вам нужно было подумать раньше, – ответил фотограф* (КК. 1963. № 68).

Лексема *обезьяна*, употребленная в прямом значении 'разг. фам. очень некрасивый' (<http://tolslovar.ru>), явно интегрирует оценочную сему 'очень некрасивый человек' и эмоциональный компонент '**оскорбление**' со стороны фотографа. Однако клиент фотоателье, не имея в виду свою природную внешность, хотел раскритиковать профессионализм фотографа. Следовательно, одно и то же слово воспринимается каждым коммуникантом лично, актуализируя оценку свойств конкретного лица. Аналогичный случай можем наблюдать в следующем анекдоте:

При встрече на улице господин нечаянно толкнул незнакомую даму.

– *Свинья! – с негодованием восклицает она.*

– *Очень приятно, а я Парфенов, – отвечает он, вежливо приподнимая шляпу* (Астрах. вестн. 1890. 27 янв.).

Зооним *свинья* 'разг. бран. О человеке, незаслуженно сделавшем неприятность кому-н., грубом' (<http://tolslovar.ru>), употребленный в качестве ругательства на прохожего, приобретает смысл оценочной единицы по отношению к мужчине, одновременно актуализируется эмоциональность 'негодования'.

В следующем анекдоте оценка направлена на внешность коммуникантов, имплицитно характеризуя состояние здоровья:

Журналист отправлялся брать интервью к 99-летнему старцу в день его рождения. Побеседовав с ним и пожелав долгих лет жизни, репортер сказал:

– *Я, конечно, надеюсь, что смогу встретиться с вами на следующий год, когда вам будет сто лет.*

– *Почему же нет, – ответил старик. – Вы выглядите по сравнению со мной неплохо* (КК. 1958. №78).

Итак, оценивается внешний вид молодого журналиста с точки зрения старика. Последнее предложение, содержащее оценочный сравнительный оборот *вы выглядите по сравнению со мной неплохо*, репрезентирует комический эффект, т.к. в сознании читателя в ходе прочтения анекдота возникают оппози-

ционные предположения о том, почему журналист и старик могут встретиться в следующем году. Здесь можно говорить о функциях нарушения привычного хода мыслей, представления ситуации в перевернутом виде. Благодаря финальной реплике в сознании читателя возникает не привычный образ дряхлого старика, а образ пожилого мужчины, полного сил и уверенности.

Оценочные лексемы фигурируют в анекдоте при описании самих героев, т.е. дается оценочное представление автора, например:

У кассы цирка вывешена афиша на субботний спектакль. На афише значится, что всякий взявший билет в цирк имеет право вести с собою даму. К кассе подходит толстопузый купчина из мучного лабаза с пятипудовой супружницей.

– Ну-ка, любезный, отвали нам два билета на третье место! – обращается купчина к кассиру.

– Иван Митрич, Иван Митрич! – дергает супружница. – Дам, слыши даром пускают.

– А ты разве дама? – презрительно цедит купчина.

– А что ж я такое? Известно, дама!

– Бревно ты, а не дама, обтесать надо спервоначалу (Астрах. вестн. 1890. 3 авг.).

Отрицательный компонент сочетания *толстопузый купчина* предположительно раскрывает негативное отношение автора. Купчина, например, в устаревшем значении означает 'то же, что и купец' (<http://tolkslovar.ru>). Поскольку это анекдот XIX в., возможно, что и прилагательное *толстопузый* употреблено в нейтральном смысле. Однако в настоящее время одно из словообразовательных значений суффикса *-ин* – 'увеличительность'. Следовательно, образ купчины в сознании современного читателя ассоциируется с чем-то необъятным, огромным. Появляются соответственное отношение к герою и некоторая жалость к его супруге, которую он называет *бревном* 'разг. бран. о тупом, неотесанном человеке' ([URL : http://tolkslovar.ru](http://tolkslovar.ru)).

Таким образом, оценивать можно как людей, так и ситуации, предметы, явления. Приведем для сравнения следующий анекдот:

– Нет, Майкл, тебе не оценить ее. Ты же сам никогда не писал книг.

– Что ж, – возразил Майкл, – я и не снес ни одного яйца, но в омлете разбираюсь лучше любой курицы (КК. 1959. №153).

Ситуация оценивания конкретной книги обыгрывается посредством различий в шкалах оценки коммуникантов. Один из участни-

ков анекдота считает достаточным написать хотя бы одной книги для высказывания квалифицированного мнения. Другой же, используя метафорический оборот, указал на то, что разбирается в книгах независимо от опыта их написания.

В приведенных выше примерах иллюстрируется оценка людей или предметов на лексическом и на синтаксическом уровнях. В анекдотах участники открыто и субъективно высказываются относительно объекта оценивания. Однако наш исследовательский материал включает много таких текстов, в которых оценочные лексемы отсутствуют, тем не менее читатель понимает, о какой оценке идет речь. В качестве иллюстрации обратимся к следующим анекдотам.

1. Американского врача спрашивает знакомый:

– Почему ты всегда выясняешь у пациентов, что они едят на обед?

– По их меню я могу сориентироваться, сколько взять за прием (КК. 1963. №153).

2. Во французском театре давали новую пьесу драматурга Александра Сумэ, который сидел в ложе вместе со своим другом Дюма-отцом. Вдруг Дюма заметил в зале спящего зрителя и, указав на него драматургу, сказал:

– Вот, Сумэ, успех твоей пьесы!

На другой день в театре шла комедия Дюма-отца.

Автор и Сумэ снова сидели вместе в ложе. Вдруг Сумэ толкнул автора и указал ему на зрителя партера, который крепко спал:

– Видишь, милый Дюма, и на твоей пьесе можно спать!

– Что ты, что ты, – возразил Дюма, – это же вчерашний зритель, он еще не просыпался (КК. 1958. 15 июня).

3. Один лектор читал лекцию студентам. Зал наполовину опустел. Студент, сидевший в первом ряду, встал:

– Совершенно верно, товарищ лектор, я с вами согласен, что это есть то, ибо если то не было это, то это не существовало бы.

– Простите, – перебил лектор, – вы о чем?

– Этот вопрос я и хотел вам задать (КК. 1960. №14).

Итак, в представленных анекдотах нет языковых единиц с оценочной семантикой. Однако процесс оценивания реализуется в полной мере. Первый текст иллюстрирует то, как врач оценивает уровень дохода своих пациентов (*По их меню я могу сориентироваться, сколько взять за прием*). Естественно, врач не может напрямую спросить, богат или беден

его потенциальный клиент, а вопрос об обеде, с одной стороны, оказывается благоприятным, а с другой – помогает извлечь выгоду врачу. Ситуация, представленная в анекдоте, помогает воссоздать определенный образ самого врача.

Интересная репрезентация оценки представлена во втором тексте. Сумэ не говорит, что пьеса его друга скучная или неинтересная, однако указание на спящего зрителя позволяет сделать такой вывод. Использование указательного местоимения *вот* и употребление в трансформированном значении слова *успех* акцентируют внимание читателя на провале пьесы известного драматурга Дюма. Оценка пьесы подобным образом способствует созданию комического эффекта в анализируемом анекдоте. В данном тексте, как и в первом, в оценивании ситуации участвуют сами герои.

В третьем анекдоте ситуация неуспеха репрезентирована авторской речью: фраза *Зал наполовину опустел* объясняет монотонность и сложность лекции с позиции студентов. Последующая бессмысленная реплика студента *что это есть то, ибо если то не было это, то это не существовало бы* также характеризует неумение лектора заинтересовать студенческую аудиторию, объяснить сложные вещи понятным языком.

Следует отметить, что оценочная составляющая анекдотов может быть не только отрицательной, но и положительной, например:

Одного человека обвиняли в краже лошади. На суде его защитник произнес чувствительную речь, в результате которой он был оправдан.

После суда защитник спрашивает своего подзащитного:

– *Послушай, Билл, сознайся по чести, украл ты лошадь или нет?*

– *Видите ли, сэръ, – последовал ответ, – я все время думал, что я украл эту лошадь, но когда я услышал вашу речь в суде, я стал сомневаться в этом* (КК. 1958. №112).

Дескриптивная характеристика речи как «чувствительной» в данном контексте положительно характеризует самого адвоката. При этом в степени его профессионализма читателя убеждает не столько словосочетание *чувствительная речь*, сколько последнее высказывание самого подзащитного, который засомневался в том, что совершил преступление.

В одном и том же тексте могут одновременно выступать две оппозиционные субъективные оценки относительно одного и того же

человека, как, например, в следующем анекдоте:

Беседуют два незнакомых:

– *Какая прелестная дама! Чудные золотистые волосы!*

– *Н-да! Волосы, которые стоят триста рублей.*

– *А зубы... чистый жемчуг.*

– *Н-да!.. Гарантированные на три года.*

– *Однако... Я не позволю вам отзываться так дурно о женщине, которую вы совсем не знаете.*

– *Я знаю ее лучше вас... Это моя жена!* (Астрах. вестн. 1889. №147).

Положительные оценки в адективах с оценочным значением *прелестная, чудные, чистый жемчуг* с эмотивным компонентом 'восхищения' дамой контрастируют с комментариями мужа всех этих достоинств, которые являются на самом деле искусственными. Столкновение полярных мнений приводит к комическому эффекту.

Для создания комического эффекта процесс оценивания ситуации реализуется также в следующем анекдоте:

Врач. Что-то не нравиться вы мне сегодня, Енсен. Вы точно следовали моему совету: только три сигареты в день?

Больной. Да, доктор. Но я раньше никогда не курил (КК. 1962. № 147).

Неверная оценка состояния больного и, как следствие, назначение неправильного лечения, усугубляющего состояние пациента, несомненно, провоцируют смех у читателя.

Таким образом, анализ текстов анекдотов, представленных в региональной прессе, позволил выявить, что оценивание – довольно частое явление. Оценочная семантика может быть репрезентирована на лексическом и на синтаксическом уровнях эксплицитно и имплицитно. Нередки случаи, когда оценивание используется для создания комического эффекта. Оценочный компонент значения коррелирует с эмотивным компонентом, что предопределяет более образное восприятие текста и понимание комизма образов героев.

Литература

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика. Описание эмоциональных состояний. Главы из незавершенной книги // Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / вступ. ст. Н.Д. Арутюновой, И.И. Чельшевой. 3-е изд., стер. М., 2006. С. 227–228.

2. Дегтева Е.В., Ягубова М.А. Оценочное слово в языке газеты // Вопросы стилистики. Вып. 2. Саратов, 1999.

3. Заmoreva A.V. Репрезентация концепта «общая оценка» в современном русском языке: системно-структурный, когнитивный и функционально-прагматический аспекты анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007.

4. Золотых Л.Г. Когнитивно-коммуникативные признаки поэтического идиостиля // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманит. науки (филология). 2006. Вып. 5(56). С. 84–89.

5. Калкина Е.Н. Структурно-семантическая характеристика средств выражения категории оценки в немецком и алтайском языках: в антропоцентрическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005.

6. Погорелова С.Д., Яковлева А.С. Связь оценки с другими категориями языка // Современная филология : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Уфа, январь 2013 г.). Уфа : Лето, 2013. С. 86–89.

7. Цоллер В.Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика // Филол. науки. 1996. № 6. С. 62–71.

* * *

1. Volf E.M. Funktsionalnaya semantika. Opisanie emotsionalnykh sostoyaniy. Glavy iz nezavershennoy knigi // Volf E.M. Funktsionalnaya semantika otsenki / vstup. st. N.D. Arutyunovoy, I.I. Chelyshevoy. 3-e izd., ster. M., 2006. S. 227–228.

2. Degteva E.V., Yagubova M.A. Otsenochnoe slovo v yazyike gazety // Voprosy stilistiki. Vyip. 2. Saratov, 1999.

3. Zamoreva A. V. Rezentatsiya kontsepta «obshchaya otsenka» v sovremennom russkom yazyike: sistemno-strukturnyy, kognitivnyy i funktsionalno-pragmaticheskiy aspekty analiza: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2007.

4. Zolotykh L.G. Kognitivno-kommunikativnyye priznaki poeticheskogo idioshtilya // Vestn. Tom. gos. ped. un-ta. Ser.: Gumanit. nauki (filologiya). 2006. Vyip. 5(56). S. 84–89.

5. Kalkina E.N. Strukturno-semanticheskaya karakteristika sredstv vyirazheniya kategorii otsenki v nemetskom i altayskom yazyikah: v antropotsentricheskom aspekte: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan, 2005.

6. Pogorelova S.D., Yakovleva A.S. Svyaz otsenki s drugimi kategoriyami yazyika // Sovremennaya filologiya : materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ufa, yanvar 2013 g.). Ufa : Leto, 2013. S. 86–89.

7. Tsoller V.N. Ekspressivnaya leksika: semantika i pragmatika // Filol. nauki. 1996. № 6. S. 62–71.

Linguistic and extralinguistic representation of evaluation in anecdotes

There is considered the representation of words with the evaluative component based on anecdotes published in the regional press of the XIX-XX centuries. Special attention is paid to the debatable issue of interaction of evaluative and emotive components within one nomination.

Key words: *language category, evaluation, emotiveness, anecdote, language means.*

(Статья поступила в редакцию 29.10.2013)